

УДК: 94(55) "03/06"

Окилжон ЗИЯЕВ,

Учитель истории, частной школы Future Education «БЕК», г. Ташкент

E-mail: okilziyaev@gmail.com, ORCID: 0009-0006-0124-0796

Рецензент профессор А.Атаходжаев

REPRESENTATIONS OF THE SHAHANSHAHS IN THE ROCK RELIEF SCULPTURE OF THE SASANIAN IRAN Annotation

This article analyzes the use of Achaemenid heritage by early Sasanian monarchs Ardashir I and Shapur I as a mechanism of political legitimation and cultural continuity. The study focuses on the rock relief complexes of Bishapur and Naqsh-e Rostam. Based on archaeological evidence and iconographic analysis, it is demonstrated that the Sasanians deliberately incorporated Achaemenid symbols, royal imagery, and monumental spatial strategies in order to construct an imperial ideology and reinforce the sacred nature of shahanshah authority. The investiture and triumphal scenes are examined as key visual instruments of dynastic representation and state power.

Key words: Sasanian Iran, shahanshah, rock relief, investiture, imperial ideology, visual legitimation, Achaemenid heritage, Bishapur, Naqsh-e Rostam, sacred kingship.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ШАХАНШАХОВ В НАСКАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ САСАНИДСКОГО ИРАНА Аннотация

В статье анализируется использование раннесасанидскими монархами Ардаширом I и Шапуром I наследия Ахеменидской Персии как механизма политической легитимации и культурной преемственности. Основное внимание уделено наскальным рельефам Бишапура и Накш-е-Рустама. На основе археологических данных и иконографического анализа показано, что Сасаниды сознательно включали ахеменидские символы, царскую образность и пространственные модели монументального искусства в собственную идеологическую программу. Инвеституры и триумфальные сцены рассматриваются как важнейшие визуальные инструменты династической репрезентации и утверждения сакральной природы шаханшахской власти.

Ключевые слова: Сасанидский Иран, шаханшах, наскальный рельеф, инвеститура, имперская идеология, визуальная легитимация, ахеменидское наследие, Бишапур, Накш-е-Рустам, сакральная власть.

SOSONIY ERON QOYATOSH HAYKALTAROSHLIGIDA SHAHAN-SHOH TASVIRLARI Annotatsiya

Mazkur maqolada ilk Sosoniy hukmdorlari – Ardashir I va Shapur I tomonidan Ahamoniylar merosidan siyosiy legitimatsiya va madaniy davomiylik mexanizmi sifatida foydalanish masalasi ilmiy jihatdan tahlil qilinadi. Tadqiqot ob'ekti sifatida Bishapur va Naqsh-e Rostam qoyatosh relyeflari tanlangan. Arxeologik ma'lumotlar hamda ikonografik-komparativ tahlil asosida sosoniylar ahamoniy ramzlari, podsholik atributlari va monumental makon modelini ongli ravishda o'z imperiyaviy mafkurasiga integratsiya qilgani asoslab beriladi. Investitura va triumf sahnalari sulolaviy legitimatsiya va shahan-shoh hokimiyatining sakral mohiyatini ifodalovchi markaziy ikonografik model sifatida baholanadi.

Kalit so'zlar: Sosoniylar, shahan-shoh, qoyatosh relyef, investitura, imperiya mafkurasi, vizual legitimatsiya, Ahamoniy merosi, Bishapur, Naqsh-e Rostam, sakral hokimiyat.

Введение. Наскальная скульптура Сасанидского Ирана является одним из наиболее значительных памятников монументального искусства позднеантичного Востока. В настоящее время известно более тридцати наскальных рельефов сасанидского периода, сосредоточенных главным образом на территории провинции Фарс. Часть этих памятников входит в состав археологического ландшафта Фарса, включённого в Список всемирного наследия ЮНЕСКО [11], что подчёркивает их историко-культурную ценность и международное значение.

Особое место в сасанидской наскальной пластике занимает образ шаханшаха - «царя царей», выступающего носителем сакральной и политической власти. Инвеституры и триумфальные сцены формируют целостную систему визуальной репрезентации имперской идеологии, в которой прослеживается сознательное обращение к ахеменидскому наследию. В настоящей статье рассматриваются рельефные комплексы Бишапура и Накш-е-Рустама как ключевые центры формирования этой идеологической программы.

Обзор литературы. Изучение наскальных рельефов Бишапура и Накш-е Рустам в историографии прошло путь от формально-стилистического анализа к их интерпретации как элементов имперской идеологии. Э. Герцфельд (Archaeological History of Iran, 1935) рассматривал инвеститурные сцены Накш-е Рустам как каноническую модель сакральной легитимации власти, а бишапурские рельефы - как более поздний и композиционно усложнённый этап развития сасанидского искусства. Р. Гиришман (Iran, 1954) связал монументальную пластику с градостроительной программой Сасанидов, подчёркивая влияние римской художественной традиции и военно-политического контекста эпохи. В. Г. Луконин (Культура Сасанидского Ирана, 1969; Древний и раннесредневековый Иран, 1987) интерпретировал рельефы как элементы целостной династической программы, направленной на визуальную легитимацию власти и закрепление политических событий. Й. Визехёфер (Ancient Persia, 1996) и Р. Фрай (The Heritage of Persia, 1962) подчёркнули историко-политическое значение памятников, рассматривая Накш-е Рустам и

Бишапур как пространства исторической памяти и сознательного обращения к ахеменидскому наследию. Современные синтетические исследования, в частности коллективный труд под редакцией Б. А. Литвинского (History of Civilizations of Central Asia, 1996), помещают эти комплексы в контекст раннесасанидской консолидации государства. Наряду с указанными трудами в исследовании использовались и другие работы зарубежных авторов, посвящённые вопросам сасанидской иконографии, идеологии царской власти, проблемам датировки рельефов, их пространственной организации и взаимосвязи с ахеменидской традицией.

Таким образом, современная наука рассматривает Бишапур и Накш-е Рустам как ключевые центры визуальной легитимации сасанидской власти, где

Анализ и результат. Бишапур: триумф, переработка и внутренняя легитимация.

Бишапур, основанный Шапуром I, в сасанидскую эпоху являлся административным центром округа Парса и важным элементом имперской пространственной политики [1]. Рельефный комплекс в ущелье Танг-е Чоган представляет собой один из наиболее значительных ансамблей раннесасанидской монументальной пластики. Проблема его интерпретации заключается в определении идеологической функции: являются ли рельефы исключительно отражением военных побед или формируют целостную программу династической легитимации.

В. Г. Луконин подробно анализирует инвеститурную сцену Шапура I [2]. Царь изображён верхом, принимающим венец власти от Ахура-Мазды; под копытами коней помещены поверженные фигуры, а рядом представлены римские императоры. В корпусной публикации памятник обозначен как VB 77a; 81; 159; fig. 201-203. Композиция объединяет сакральную инвеститурную и политический триумф, создавая образ божественно санкционированной победы [15].

Keall обращает внимание, что ранний вариант рельефа не включает Валериана, что позволяет датировать его периодом до 260 г. [1]. Это наблюдение демонстрирует динамичность программы и её связь с текущими политическими обстоятельствами. В дальнейшем включение образа Валериана закрепляет идею окончательной и абсолютной победы.

Э. Герцфельд подчёркивает, что изображение триумфа Шапура I следует понимать как символическое утверждение власти, а не буквальную фиксацию исторического события [6]. Он отмечает усиление

Накш-е Рустам представляет собой скальный ансамбль, в котором сосредоточены памятники ахеменидского [13] и сасанидского времени [4]. Уже топография комплекса определяет его как пространство монументальной памяти [12].

Ахеменидские гробницы построены по единой композиционной схеме. В верхнем регистре гробницы Дария I царь изображён перед огненным алтарём, над ним

сакральная инвеститура, военная репрезентация и историческая преемственность образуют единую идеологическую систему

Методология исследования. В исследовании применён комплексный историко-археологический и иконографический подход. Используются данные археологических публикаций по Бишапуру и Накш-е-Рустаму, а также эпиграфические материалы сасанидского периода. Сравнительно-исторический метод позволил выявить элементы преемственности между ахеменидской и сасанидской традициями монументальной репрезентации власти. Контекстуальный анализ дал возможность рассмотреть рельефы как систему визуальной легитимации шаханшахской власти.

пластической динамики и многоплановости в композиции Бишапура, что отличает их от более ранних симметричных схем.

К эпохе Варахра II относятся инвеститурные и триумфальные рельефы, обозначенные в корпусе как VB 79b и VB 80a [2]. Замена имени Варахра именем Нарсе свидетельствует о политической переработке памятника и использовании монументальной пластики как средства династической легитимации. Таким образом, рельефы включаются в активный политический процесс.

Особое значение имеет «большое панно», рассмотренное Лукониным в связи с надписью Нарсе и событиями 293 г. [3]. В отличие от атрибуции Р. Гиришмана, связывавшего памятник с эпохой Шапура II, Луконин интерпретирует его как отражение внутрдинастического переворота. Композиция с казнями и демонстрацией отсечённой головы выводит тему легитимации во внутренний политический контекст. Бишапур предстаёт пространством не только внешнего триумфа, но и утверждения законности власти внутри династии.

Археологические данные свидетельствуют о регулярной планировке города и сочетании иранских и западных архитектурных элементов [1]. В историографии обсуждается влияние римских мастеров, однако Keall призывает к осторожности в подобных выводах [1]. В совокупности рельефы, градостроительство и сакральная архитектура образуют целостную программу имперской репрезентации.

Накш-е Рустам и сакральная модель преемственности.

помещён крылатый символ, интерпретируемый как Ахура-Мазда [4]. Средний регистр представляет тронную композицию, где трон поддерживается представителями народов империи. Как отмечает Potts, эта сцена является символической моделью государства, а не реалистической процессией [5]. Надписи DNA и DNb формируют единую семантическую систему изображения и текста.

Сасанидская программа начинается инвеститурной сценой Арташира I [2]. Композиция отличается строгой симметрией: царь и божество [14], представлены верхом, поверженные фигуры помещены под копытами. Герцфельд рассматривает её как каноническую и геральдическую модель, лишённую повествовательной динамики [6]. Здесь закрепляется принцип сакральной санкции власти.

Инвеститура Нарсе демонстрирует усложнение канона: венец передаётся богиней Анахитой, вводится уменьшенная фигура царя [2]. Однако симметрическая основа сохраняется, что свидетельствует о преемственности модели.

Й. Визехёфер переносит интерпретацию в политико-историографическую плоскость. Он рассматривает надпись ŠKZ как монументальное закрепление победного нарратива и подчёркивает значение Накш-е Рустам как сакрального центра исторической памяти [7]. Р. Фрай дополняет эту позицию, связывая рельефы и надписи с институциональной преемственностью и формированием зороастрийской

ортодоксии [8]. В коллективном труде под редакцией Литвинского Накш-е Рустам и Бишапур рассматриваются как ключевые центры раннесасанидской политической консолидации [9].

Сопоставление комплексов выявляет две взаимодополняющие модели репрезентации. Накш-е Рустам воплощает сакральную и каноническую схему инвеституры, ориентированную на утверждение преемственности и божественной санкции власти. Бишапур демонстрирует развитие повествовательного и пространственно усложнённого триумфального стиля, включающего элементы политической переработки.

Если в интерпретации Герцфельда различие проявляется прежде всего на художественном уровне, то Визехёфер и Фрай рассматривают оба комплекса как элементы единой идеологической системы. Бишапур акцентирует военную и внутривластную легитимацию, Накш-е Рустам закрепляет сакральную и историческую преемственность. В совокупности они формируют целостную визуальную программу власти Сасанидского Ирана.

Сопоставление комплексов позволяет выявить две модели монументальной репрезентации:

Критерий	Накш-е Рустам	Бишапур
Композиционная структура	Строгая симметрия	Повествовательная динамика
Идеологическая модель	Сакральный канон	Историзованный триумф
Историческая стратегия	Преемственность Ахеменидов	Политическая переработка
Пространственная организация	Концентрированная символика	Пространственная многоплановость

Выводы и предложения. Проведённый сравнительный анализ показал, что наскальные рельефы Бишапура и Накш-е Рустам отражают две взаимодополняющие модели репрезентации царской власти в Сасанидском Иране. Накш-е Рустам закрепляет каноническую, сакрализованную форму инвеституры, основанную на принципе симметрии и преемственности ахеменидской традиции. Бишапур, напротив, демонстрирует развитие повествовательного и историзованного триумфального стиля, включающего элементы политической переработки и внутривластной легитимации.

Таким образом, оба комплекса следует рассматривать не изолированно, а как части единой идеологической системы, в которой сакральная санкция власти сочетается с её военной и политической актуализацией.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется более детальный анализ взаимодействия монументальной пластики, эпиграфики и градостроительной структуры, а также уточнение роли религиозного фактора в формировании раннесасанидской идеологии

ЛИТЕРАТУРА

1. Keall E. J. *Vīšāpūr* // *Encyclopaedia Iranica*. 1989.
2. Луконин В. Г. *Культура Сасанидского Ирана*. Москва: Наука, 1969.
3. Луконин В. Г. *Древний и раннесредневековый Иран*. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1987.
4. Von Gall H. *Naqš-e Rostam* // *Encyclopaedia Iranica*. 2009.
5. Potts D. T. *The Archaeology of Elam*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. Herzfeld E. *Archaeological History of Iran*. London, 1935.
7. Wiesehöfer J. *Ancient Persia: From 550 BC to 650 AD*. London - New York: I.B. Tauris, 1996.
8. Frye R. N. *The Heritage of Persia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962.
9. *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. III / Ed. B. A. Litvinsky. Paris: UNESCO Publishing, 1996.
10. Ghirshman R. *Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest*. Baltimore: Penguin Books, 1954.
11. *Archaeological Landscape of Sasanian Fars Region* // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/1568> (дата обращения: 15.01.2026).
12. Neilson C. *Debevoise. A Political History of Parthia*. Chicago: The University of Chicago Press, 1938.
13. Robert Göbl. *Sasanian Numismatics*. Braunschweig, 1971.
14. M. Bach, "Die Sassanidischen Staatsinschriften," *Acta Iranica* 18, 1978.
15. R. Ghirshman, "Inscription du monument de Châpour Ier à Châpour," *RAA10*, 1936.